

Дмитрий Клёстов

*Оглянусь
с большака*

СТИХИ

КУЗБАСС

«Сибирский писатель»

2004

Ученая комиссия
городской библиотеки
подписаны все акты

на 1906 г

Директор

84-2Рос6
к-48

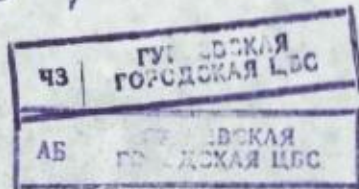
Людмиле Ивановне Клёстовой
посвящается

Дмитрий Клёстов

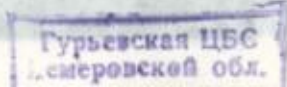
Оглянусь
с большака

СТИХИ

65546-1 ✓

КУЗБАСС
«Сибирский писатель»
2004

Дмитрий Клестов.

Родился 13 марта 1942 года в деревне Евтино Беловского района, Кемеровской области.

После школы семилетки начинается трудовая деятельность. Рабочий М.Т.С. (машинно-тракторная станция), сплавщик леса по горным рекам Алтая, крепильщик на шахте «Южная» (Новая). Командир танка в рядах Советской Армии в Германии.

Снова шахта, - забойщик. Горноспасательный отряд - респираторщик Свинцово-цинковый рудник г. Салаира - взрывник. Геолого-поисковая партия - бурильщик.

Первые стихи напечатаны в газете «Знамя Коммунизма» г. Белово. Печатался в областных газетах «Кузбасс», «Наш край» и альманахе «Огни Кузбасса».

«Оглянусь с большака» вторая книга поэта. Первая «Земная ноша» вышла в г. Кемерово в 2002 году.

Сейчас автор на пенсии. Живет в г. Гурьевске.

Горница -
светелка

ГОСТЬЯ НА БУРОВОЙ

Отчего-то поблекли пионы
И неяркими стали жарки,
Отчего-то мы с другом смущенно
Нахлобучили козырьки.

Наша келья сугубо мужская,
Если ты привидение - сгинь!
Никогда мы сюда не впускали
Ни кикимор и ни богинь.

Кто же ты, еслиходишь смело,
Дверь дощатую пнув ногой,
В прозаические пределы
Аскетической буровой?

Очень мило обтянут свитер,
Черный локон - шальная прядь.
Пот холодный бурильщик вытер,
Я присел, я не мог стоять.

Подколотные змеи-очи
Жгли затылок и щеки жгли.
Чья посланница, чья ты дочь?
Неба, Солнца или земли?

За порогом весна. Истома
Души пасмурные пьянит.
А я так далеко от дома
И, покамест, не инвалид.

Захотелось рвануться с места
И сквозь бремя моих годов,
Как любимой своей невесте,
Наломать, надарить цветов.

Над таежным цветущим садом
Ошалелые соловьи...
Ты была - то была награда
Неба, Солнышка и Любви.

Зимний лес распахнут настезь
Четырём ветрам,
Словно посуху, по насту
В чудотворный храм
Входим мы, и на ступени,
Грешнику подстать,
Захотелось на колени
Мне тихонько встать.

По-крестьянски, по-кержацки
Двоеперстьем – лоб,
А потом к тебе прижаться
И упасть в сугроб.
Ты брыкайся, отбивайся,
Зли меня, смейся.
Суть сует – грехи и кайся
И опять грехи.

СВЯТКИ

Ещё один благополучный
В сугробах утопает день.
Сосновый пенёк большой и тучный
В берете белом набекрень
Манит к себе тропинкой-змейкой
С дороги праведной свернуть:
Вдвоём уже мы шайка-лейка,
Уже мы стоим что-нибудь.
Рванётся заяц без оглядки,
Испуган посвистом моим.
В деревне праздничные святки,
И в каждом доме херувим.
Пойдём, пенёк, победокурим,
Из разлитого ковша
Чуть-чуть к своей добавим дури,
Чтобы оттаяла душа.

Покажем в гуще посиделок
Своё бесовское лицо
И станем скромно лапать девок
Среди обкуренных юнцов,
Покамест кто-то в круговерти
Рождественского торжества
Признает нас и крикнет: Черти!
И... закатает рукава.

ЛЮДМИЛЕ

Безмятежно-улыбчивый профиль,
Серебром осиянная прядь...

Захотелось мне радужный кофе
В церемонном поклоне подать.

Как блаженному, крепкой ладонью
Вдоль простынки пройтись не спеша...

Ты вольна потянуться спросонья,
В пробуждении сладком свежа.

Ты вольна отдалённое чувство
И приблизить и выставить прочь...

Захотелось мне просто холуйства
В предвесеннюю лунную ночь.

В ДОРОГЕ

Ночь. Дорога.
Столбы верстовые
И дорожные знаки
Отражают мой путь.
Работяга мотор
В шинах силы резвит молодые,
И большущий автобус
В небо метит вспорхнуть.

И сама по себе
Вдруг иссякнет мятежная дрёма,
Лишь деревню мою
Озарит фосфорический сноп;
А когда ослепит
Окна старого дома-
Бумерангом в меня
Возвратится озноб.

Вдруг автобус рванёт
Заскорузлый ухаб – невидимка,
Запоздало водитель
Нажмёт тормоза.
И...счастливейший миг
Мне попутчицу бросит в обнимку,
И такие глазищи
Мне посмотрят в глаза!

Что я сам, как шальной
Опрометчиво брошусь навстречу,
И продлю этот миг.
А потом, а потом
Станет мне веселей
И до одури легче,
И покажется прошлое
Мне пустяком.

ТОРГОВКА

Одѣжка старая неряшлива
Из допотопного сукна,
Сама из ряда не калашного-
Торговка низшего звена.

Местечко с боем завоѣвано
У старых рыночных ворот.
Она торгует наворованным
И всем, что боженька пошлѣт.

Глаза большущие навывкате
И матом сдобренный язык.
Пожалуй сразу не привыкнете
Еѐ истошный слыша крик.

Пожалуй, вам , друзья, до лампочки
Еѐ базарное тряпьѐ
Я подошѐл, окликнул лапочкой,
Назвал красавицей еѐ.

Она зарделась, как девчоночка,
Язык паршивый прикусив.
И стала нежной прядью челочка,
А профиль- чѐртовски красив.

Она глаза и руки прятала
От комплимента моего.
Товарки говорили: Спятила!
Давай раскручивай его!

С тех пор меня повсюду выглядит,
Где только я ни появлюсь.
Глаза большущие навывкате,
А в них доверчивая грусть.

Я шалел от восторга,
Кувыркаясь в большущей траве,
И, смакуя, жевал молодую травинку.
А минуту назад,
Был распят я в глубоком шурфе
И огромное небо
Казалось с овчинку.

Я шалел от восторга,
Когда замер, дрожа, паровоз,
И патлатый мужик
За окошком воскликнул: Рассея!
Потемнело в глазах
От нахлынувших слёз,
А в душе посветлело
От встречи с Россией моею.

И теперь я шалею.
Душевный восторг
Первозданной любви,
Первозданное чудо:
Из каких-то глубин
Добрый ангел исторг
Это чудо под праведным
Именем Люда.

Ты давно в апогее
Красоты и ума,
И на мужниной шее
И немножко – сама.

Обаянье принцессы
И негаснущий стих,
Ловеласы, повесы
У подмётков твоих.

Мудрость, зло и коварство,
Добродетель змеи,
Коронована царством
Наивысшим – семьи.

В этой жизни стремительной
Не понять ничего:
Нет достойного титула
У меня одного.

Я на ласку нечастую,
Как на свечку гляжу.
Всё мне думалось: властвую,
Оказалось – служу.

ГОРНИЦА-СВЕТЁЛКА

Горница-светёлка,
Белая герань...
Я шагнул надолго
В голубую рань.
Ставенки резные,
Петли скрип да скрип.
Милые, родные,
Я во что-то влип.
Будет ли согрета
Робкая душа
В прозвище поэта
В рубище бомжа?
Я вернусь не скоро
В милые края:
За чужим забором
Горенка моя.

СТАРУХА

Входила в дом соседская старуха,
Ещё с порога истоиво и глухо
Мать костерила, костерила нас
И Гитлера, и весь иконостас.

У-у, Ироды, суразы, истуканы!
Мы разбегались словно тараканы,
Ошпаренные лёгким кипятком,
Задержишься – огреет батогом.

И мать ей не перечила ни разу,
Что не бродяги мы и не суразы,
Сама не потаскуха, а жена -
Всему виной - проклятая война.

Нахохлившись, как чёрная грачиха,
Старуха в сени выходила тихо.
И мама суетливо по пути,
Крестясь, шептала: «Господи, прости,

Суди её сердешную господь».
И находила на сенном окошке
То туесок старухиной картошки,
То хлеба запашистого ломоть.

★ ★ ★ ★ ★

Ночь светла, можно книгу читать,
Рвать смородину в тихом логу.
Я ресницы твои сосчитать
По ресничке сегодня смогу.

Видишь, милая, зорек костры:
зорька вечера, зорька утра.
Повстречались две ясных сестры,
Обнялись, ты – их третья сестра.

Оттого эта ночка светла,
Можно книгу читать о любви.
Только буду я всё же считать
По ресничке ресницы твои.

И надушенной перчаткой,
Как сорнячок из глаза,
Уберет она украткой
Набежавшую слезу.

65546-1

Ты ушла, сказала: по – фигу
 Мне лесная благодать.
 Коршун сел на столбик вогнутый,
 Отдышался и опять
 Как ударит вслед за голубем,
 По-за облаком настиг.
 Был он жаден, был он голоден,
 Сокрушил в единый миг.
 Я, однако, сыт по горлышко
 Свежей трапезой орла...
 Вот сижу, считаю пёрышки
 Голубиною крыла.

Нахохлившись, как черная грачица,
 Старуха в сени выходила тихо.
 И мама суетливо по пути,
 Крестясь, шептала: «Господи, прости.

Суди её сердечную господь».
 И находила на сенном окошке
 То туесок старухиной картошки,
 То хлебный ломтик старого ломота.

Трудным часом, добрым часом,
Как в замедленном кино,
Шла за гробом ловеласа
Охмуренная давно.

Посыпала на дорожку
Богородскую траву,
Называла Бабкой-Ёшкой
Раскрасавицу вдову.

Как в мешке хранила шило-
Страсть безумную к нему.
«Что-то в горле запершило», -
Скажет мужу своему.

И надушенной перчаткой,
Как сориночку из глазу,
Уберет она укороткой
Набежавшую слезу.

Ночами – дождь,
 Утрами – изморозь.
 И вечерами на скамье
 Не подпирают больше изгородь
 Старухи сплетней обо мне
 И сам я меньше стал судачить
 Про баню, сад, неурожай.
 Удача – радуйся удаче,
 А горе – не переживай!

ЛЕСНОЕ ОЗЕРО

За дремучим таёжным бором
Из целительного ключа,
Обрамлённое ореолом
Полудикого пихтача,

Лёгкий вымысел Берендея,
Трудный подвиг богатыря –
Берег правый и берег левый
В ярком пламени сентября.

Я тихонько заброшу уду
В полыхающий жар осин,
Но ловить карасей не буду,
Пусть погреваются караси.

Не высказать, не выразить
Досухих мыслей мне,
Я лишь слежу за вырезом
На довишьей спине.

КЕРЖАКИ

Седобороды, но крепки,
И в каждом деле
Люди спорые.
Меня крестили кержаки,
Как им велел обычай –
В проруби.
О, дикий, пращурский обряд,
Души невинной омовенье!
А я, признаться даже рад
Сему спартанскому крещенью.
Идти распахнутым в мороз,
Пурге отчаянной не кланяться.
В любсй беде не ведать слёз,
В работе никогда не стариться.
Коль совесть будет не чиста
И сердце обольётся злобою,
Вернусь в родимые места
И снова искупаюсь в проруби.

Дырявые калоши,
Я сам молокосос,
С девчоночкой хорошей,
Я еду на покос.

Надюха повариха-
Шальная голова,
Об этом говорила
Радужная молва.

Эх! Как дурманит сладко
На Сиреневый платок?
Что Тут умная лошадка
Дре Сама свернула в лог,

Свернула в лог ли, в согру ли,
А, в общем, в полубред.
Иду на полусогнутых
На Я за Надюхой вслед.

Не высказать, не выразить
Досужих мыслей мне,
Я лишь слежу за вырезом
На девичьей спине.

Поведай мне, поыведай
Счастливая судьба:
Куда кривая выведет
Гулливая тропа...

Люди спорят, дохот бы уда
Меня крестили чердаки,
Как им галел бы шай,
В проруби: Ш
О, димой, прашу, что со мной
Души навяжишь, явном явша
А я, признаться даже рад
Сему шиваю, кому крестник
Идти распу, что-то маво
Пусть отчаянно не кланяю
В любой беде не вадать слез
В работе никогда не стариться
Коль счастье будет не чиста
И счастие солется злосор
Вернусь в родимые места
И снова иду в попутях
И снова иду в попутях

Не выхвастать, не врываться
Досужно мыслить мне,
Моевья за вывозом
На девчачьей спянке

Когда в * * * * *
В лихую Лету кануло село
Эх! Ударили звонкие струны
Лыжных тропок и санных дорог.
И качусь я, взвихря буруны,
К перекрёстку любви и тревог.

Ноги в юность торопятся сами.
А на первой таежной версте
Пень кедровый в заснеженном саване
И берёзка – невеста в фате.

Всю деревню мою забуранило,
На крыльце нет знакомых следов.
Что когда – то бодрило и ранило,
Дремлет в замяти белых снегов.

Знаю, скажет мне гордая самая:
Никогда не ждала и не жду...
Скину с кедра заснеженный саван,
На берёзке оставлю фату.

Повесть ИЗБА—ЧИТАЛЬНЯ

Крылечко. Дверь. Тяжёлая щеколда.
Изба – другим хороминам подстать...
И я вхожу, задрипанный, но гордый,
Обученный премудрости читать.

Дощатые скупые этажерки,
А мир на них – таинственно большой.
Там шепчутся девчонки – пионерки,
Которым я завидую ещё.

И тишина. Знакомый мне мужчина..
Да это ж будоражащий село
Отпетый враль, безбожник, матершинник
Глядит на книги трезво и светло.

Держа в ладонях книжицу, как птицу,
Читает, как молитвенник, её,
А завтра он в такую небылицу
Сюжеты книг бабёнкам переверёт.

Покуда я об этом не узнаю,
Интриги мне неведомы пока.
Я в чистом поле тихо поджидаю
Шального, удалого Горбунка.

Когда всё это было, в кои веки?
В лихую Лету кануло село.
Но до сих пор в любсй библиотеке
Смотрю на книги трезво и светло.

Их давно я не видел что — то
Обходился в лесу оном
Возвращаясь из леса
Передо мной встал как
В хворе мерзлой ошк расколот,
Славно в маленьких дённых тисках,
Нилочка — это — что
Прохлада в лесу
Лихолевая жень
Уж которые сутки подряд
Лес безмолвный
Утёрк
Как будто в лесу
На других
Родную сестренку мою
Этой жизнью
Плакать, что ли, мне или гордиться
В деревне в ту ночь до рассвета
В домах не слышно
И долго я чувствовал
На тонянской шее своей

КИНО ИЗ ДЕТСТВА

Нас каждого горе лихое
Ночами мучительно жгло,
Когда взбудоражила «Зоя»
Сибирское наше село.

Я помню суровые взгляды
И скорбь заострившихся лиц,
Как будто с околицей рядом
Фашистские мины рвались.

Антихристы! – бабы ревели,
Стонали – Зверьё!- мужики,
Когда бездыханное тело
Клеймили чужие штыки.

Я плакал от боли и злобы,
Сжимая руками скамью,
Как будто вели по сугробам
Родную сестрёнку мою.

В деревне в ту ночь до рассвета
В домах не гасили огней.
И долго я чувствовал петлю
На тоненькой шее своей.

КЛЕСТЫ

Рыл я корни своей родословной
Под наносами разных родов...
Угощается в кроне еловой
Дружелюбная стая клестов.

Их давно я не видывал что – то,
Обходя эти горы окрест,
Всё работа, работа, работа,
Перемена извечная мест...

В клюве мёрзлый срезек расколот,
Словно в маленьких дивных тисках,
Нипочём им арктический холод,
Прокалённым на стылых ветрах.

Лиходеет январская стужа
Уж которые сутки подряд.
Лес безмолвный, однако, разбужен
Утверждающим криком клестят.

На других непохожие птицы
Этой жизнью суровой своей...
Плакать, что ли, мне иль гордиться
Вот такой «родословной» моей?

КИНО ДОЧЕРИ

Сосны тёплые,
Бор и задумчив, и светел.
Столько хрустких тропинок
Исхожено в нём!
Здесь росли – подрастали
И выросли дети,
Под его добродушным
Зелёным шатром.

Поседел зверобой.
Сыплет цвет кровохлёбка.
Кружевной паутиной
Одеты кусты.
Оглянись и простись
С грибно – ягодной тропкой,
Ведь последнее лето
В этом лагере ты

От лесистых холмов
Салаирского кряжа
Столбовые дороги
Российской земли,
То лихою бедой,
То мечтой будоража
Сорванцов – удальцов
Навсегда увели

Стар отеческий дом,
Сам я тоже не вечен,
Реже в робкую душу
Стучатся стихи.
«К покаянью!» - сзывает
Вечернее вече,
Только мне не понять:
За какие такие грехи?

Словно режет песок
Легковерные очи шахтёра,
Не могу проморгаться,
Не видно ни зги.
Свет отцовской избы
В дебрях старого бора
Как божественный дар
Сохрани, сбереги!

Каков счастье – матушка жива!
Издаലെка в родимый дом вернуться,
Припасть к земле, слезами захлебнуться
Шептать, шептать заветные слова...
Молчит, молчит, могильная трава...

НА ПЕРРОНЕ

Сосной смолистой и мазутом
Бетонный пригород разит.
А скоротечная минута
Бездонной вечностью грозит.

Сходясь, путь рельсовый искрится
Единой светлой полосой.
Сомкнутся взгляды, руки, лица,
И лишь горючею слезой
Душа невольно разразится.

Закроет призрачные двери
Какой – то призрак за тобой,
И я останусь суеверным,
Молиться буду: «Боже, мой!
Побереги среди людей
Моих детей, моих детей...»

От лесных холмов
Салаирского края
Столбовые дороги
Российской земли,
То лихую бедой,
То мнотой будоража
Сораданцов – удалцов
Навсегда увели

Какое счастье – матушка жива!
Разбитым носом спрятаться в подоле,
На миг забыть мальчишеское горе
И слушать, слушать нежные слова
- Ну, что, сынок, пострел мой, пострелёнок?
Не надо плакать, горе – не беда.
Обидчик станет другом навсегда,
Лишь подрасти да наберись силёнок.

Какое счастье – матушка жива!
Вернуться в дом лихим военным франтом
С янтарными нашивками сержанта,
Шептать и слушать нежные слова:
- О, матушка! – А ты совсем большой!
- Ты, милая немножко постарела.
- А я тебе невесту присмотрела,
Девчонка настоящая, с душой.

Какое счастье – матушка жива!
Издалека в родимый дом вернуться,
Припасть к земле, слезами захлебнуться
Шептать, шептать заветные слова...
Молчит, молчит, могильная трава.

Говорят: смородина поспела.
 Мне о том же сердце говорит.
 Городом изнеженное тело
 По таёжным ссадинам зудит.

Едкий воздух пыльных тротуаров
 Вдруг застрянет в горле поперек,
 Руки сами с непонятым жаром
 Тербят прожженный вещмешок.

Поскорее, к черту на кулички,
 Ждёт меня, аукает тайга!
 Шевелись быстрее, электричка!
 Ягода смородина сладка!

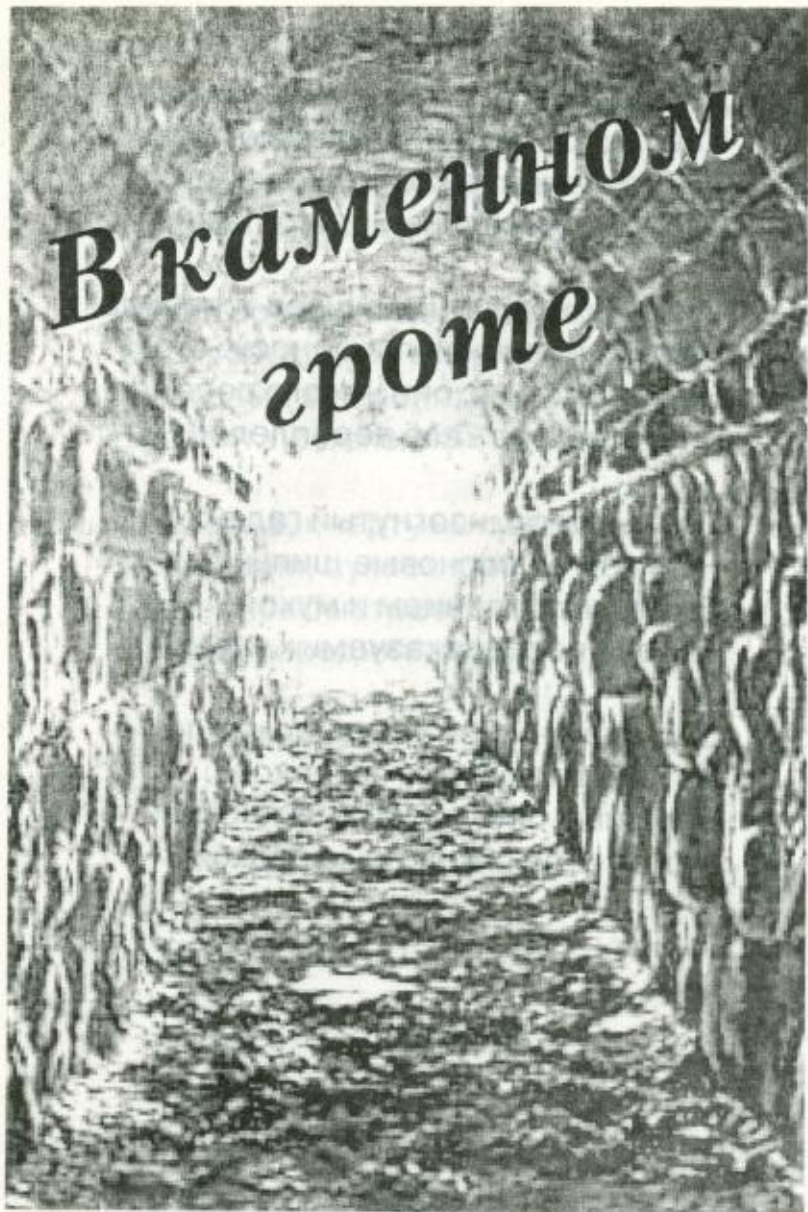
Два дерева, как близнецы Сиама,
Вошли друг другу в молодую плоть,
Любить и ненавидеть и колоть
Своими деревянными перстами.

Смотрю: вокруг не мишура- свобода!
Расти, деревенея плодонось.
Но вздрогнул я: они чужого рода,
Листва и хвоя - всё переплелось.

Осины ствол, изогнутый гадюкой,
Нанизан на сосновые шипы,
Единые страданием и мукой,
Как две непредсказуемых судьбы.

Скрипят они при ураганном гуле
И тронутые лёгким ветерком...
Вершины обе, сломленные бурей,
Лежат себе смиренные рядком.

В каменном гробе

НИШИЙ

Никогда ни любовь, ни злобу,
Не выплёскивал на изгоев:
Нас испытывало на пробу
Подземелье крутых забоев.

Сколько их, что с тупым усердьем
На подмостках шального века,
Спекулируют милосердьем
Православного человека.

Тщетно силюсь из -под лохмотьев
Речь живительную послушать,
За ничтожной вонючей плотью
Угадать я стараюсь душу.

И брезгливо бросаю деньги,
Сам доволен самим собою,
Вон тому, что похожий тенью
На товарища по забою.

Заговаривать с ним по фене,
Или дружески мне постыдно,
Хотя вижу, что не мошенник,
А такой же рабочий, быдло.

Но одиножды, словно другу,
Как с похмелья или спросонья,
Я подал ему просто руку
Растопыренною ладонью.

Он пожал её без эмоций,
Лишь в глазах его отблеск хитрый
Прорябил как в гнилом болотце
И сказал он: “Спасибо, Дмитрий”.

М Опахнёт груздёмвым сентябрём,
 Б Нивой жжёной в воздухе запахнет...
 Мне случилось быть поводырём
 Г Лошади, состарившейся в шахте.
 В Умные, огромные глаза, -
 Понимаешь сердцем – неживые,
 Г Торба полотняная овса
 М На согбенной, в ржавых стружьях, вые.
 С Трапезу последнего пайка
 С Смаковать была лошадка вправо,
 А затем купать свои бока
 П В чистой малахитовой отаве.
 Г Что-то я фальшивое, свистал,
 Провожая к дальнему околку,
 Н Чтоб никто ни палки, ни хлыста
 Н Не поднял на старую шахтёрку.

ХОЗЯИН ШАХТЫ

Антрацит шахтёрского мундира
Выгорел и выцвел, и усох.
И хозяин шахты Салаира
Реже всё является врасплох.

Мне в горниле каменного грота
И за каждым выступом впотьмах
С юных лет внушал он отчего-то
Мужество и неподдельный страх.

Он забавой озорного друга
Мог перед лицом обрушить свод.
И смеялся, коли жар испуга
Мне мозги усталые сведёт.

Сам я в шахте, как на поле битвы,
Доблестно в ответ благодарил,
Ублажая слух его молитвой
Или чёрным матом костерил.

Я душою старого шахтёра
Не постиг негаданных затей:
Мудрого и глупого отбора
И карать, и миловать людей.

БАЛЛАДА ПРО СТАРУЮ ШАХТУ

Мы в старую шахту пробились забоем
Бабахнули взрывом над вечным покоем

Разбойное эхо ответило глухо
Величием гордого русского духа.

Где золото рыли мятежные предки,
Мы ставим стопами узорные метки.

Своими руками ощупали крепи,
Своими сердцами почуяли трепет,

По тесному штреку прошлись раскорячкой,
Померялись силой с демидовской тачкой.

На тачке нескромная чья-то гравюра,
Написано вязью: «Работай, ты-дура!»

Балда деревянная, цепи, колодки,
А всё остальное, как в нашей проходке.

РУДНИК

Свинцово-цинковый рудник

Над всеми высится свинцово.

Домишко к домику приник-

Один к фундаменту другого...

Я не цветочную пыльцу

Глотал в забоях раз за разом;

Ему, как крёстному отцу

Ничем я в жизни не обязан.

Он тоже не обязан мне

Своим отеческим вниманьем.

Он в чередё голодных дней

Нас многих принял на закланье.

Из сонма дьявольских наград

Дарил направо и налево

Моим друзьям и всем подряд

Своё чахоточное чрево.

Я душою старого шахтёра

Не постиг негаданных затей:

Мудрого и глупого отбора

И карать, и миловать людей.

РУКИ РОД

М Нередко я руки теряю,
О Как - будто и не было их:
С Ладоней шершаво-корявых
С И пальцев избито-кривых.

Д Чужие - по самые плечи:
Б Ни болей, ни судорог нет.
Б За что меня, кто покалечил
В В расцвете задористых лет?

«Ш Какой суеверный фанатик
К Загребы мои уволок?
Л Наверно, породу лопатит,
К Наверно, крушит уголёк,

К А может таинственным сводом
Л Красивые крыши вершит...
Б «Опять ты раскинул колоды,» - одной
З Жена среди ночи ворчит.

Иссяк родник и пересох ручей
С такой прозрачной, ключевой водою.
Чужие кони, табуны коней
Бегут, сшибаясь, к бензопилою.

МОЯ МУЗА

Ты пришла новолунием в полночь
И застала меня в кровати,
И сказала мне: Милый, полно,
Не гони меня бога ради.

Говорю, размежая веки,
Говорю я, сжимая боль:
Завтра мне опускаться в штреки,
Завтра мне цикловать забой.

Мне к стихам никакого дела,
От злословия я устал:
Жизнь шальная подешевела,
Хлеб насущный подорожал.

Мороз и морок в кратере карьера,
Огонь и дым над контуром холма.
Стоит шандинка старая, сама
Своим глазам слезящимся не веря.

Давно ли белый бархат ковыля
Её ласкал в поскотине аула?
Её земля, прапращуров земля,
Весь день гудит от яростного гула.

«Шайтан, шайтан», - скривляются уста,
Когда «Белаз» обрызгивает смрадом.
Любимые, родимые места
Как будто чёрным выхлестало градом.

Кожух расписан вязью непростой,
Лоснятся полы, рукава лоснятся.
Будь проклят тот, кто предал край родной
За дробовик и порох рудознатца.

Иссяк родник и пересох ручей
С такой прозрачной, ключевой водою.
Чужие кони, табуны коней
Бегут, сшибаясь, к бензопою.

Мы в детстве все любили дураков:
С профанами великовозрастными
Легко было скакать на хворостине,
Отчаянных играя казаков.

Мы сильными могли повелевать.
Дебила – Стёпку вырядить в Адольфа,
И публике уставшей, но довольной
Кромешный суд над фрицем показать.

У, Ироды! стыдоба-то, какая!-
Крестилась богомолочка седая.
Антихристы! Разверзнется земля!
Блаженный он, и – бог ему судья!

Не маг, не бог – Победа исцелила,
Казалось бы, пропащего дебила.

И потянулись сверстники к нему...
И кто-то у него на побегушках,
Кого-то Стёпка посадил в тюрьму,
Кого-то просто заточил в психушку.

Ущелье. Фабрика. И пруд.
 Годами выжженные склоны.
 Рудой гружёные вагоны
 Из шахты медленно ползут.

Осенним воздухом дыша,
 Я там искал уединенья.
 Вдруг окровавилась душа
 От справедливого сравненья:

Ущелье. Фабрика. И пруд.
 Рудой гружёные составы.
 И в шахту, словно в пасть удава,
 Шахтёры медленно идут.

Она уверена, спокойна
 И окатилась в ледяной дождь
 И тело безвредно
 - Есть не позволят!

КАМЕННЫЙ ЛОСЬ

Опушка. Бархат ковыля.
Крапчатый кустик краснотала...
Какая сила приковала
К чугунным плитам пьедестала
Сибирского богатыря?

На двух стремительных ногах
Вздыбился у лесной тропинки,
И столько мужества в горбинке,
И столько ярости в очах!

Но страх в затылок не кольнёт,
Восторг в душе не отзовется,
Когда какой – то идиот
На крупе каменном смеётся.

Я лишь злорадствую: «Да, да!
Мои богатыри лесные
Себе на шеи броневые
Сесть не позволяют никогда!»

Кого-то Стёпка посадил в тюрьму,
Кого-то просто заточил в психушку.

НА ПОЖАРЕ

Когда пылала эстакада
На грани шахтного ствола,
Душа была как – будто рада.
Кощунство это, но была.

Как сумасшедшую скотину
На рёв сородичей меня
Она гнала в стихию дыма,
В стихию дыма и огня.

Все, паникуя, ждали взрыва
И улепётывали проч.
Моя душа смогла счастливо
Рассудок жалкий превозмочь.

Она уверенна, спокойна
Всучила ломик мне в ладонь,
И окатила из брандспойта,
И тело бросила в огонь.

Бежит по руднику родник
 Прозрачный, светлый, как слеза.
 Однажды я к нему приник,
 Но мне ударило в глаза,
 В мои глаза и жадный рот
 Ударил сероводород.
 И оказалась чистота
 Совсем не та, совсем не та...
 И столько в нем стыда
 И столько ярости в очах!

Но страх в лицо
 Возлежало
 Как в море
 На крупе каменном смеётся.

Я дню
 Мои
 Себе
 Сесть не позволяют никогда!

Я не знаю другого ландшафта,
 Чтоб увидел – и горе с плеч
 Шахта, шахта! Родная шахта!
 Чем могла ты меня завлечь?

Террикон огоньком манящим
 Среди чёрной сияет тьмы,
 Словно бы на вулкан дымящий
 По нему восходили мы.

Восходя на седьмое небо,
 Крылья чуяли за спиной.
 Всё! Я в небе ни разу не был,
 Навсегда улетев в забой.

Где бы якорь мне свой ни кинуть,
 Где бы свой ни оставить след,
 Опрокидываются скипы
 Дивной музыкой юных лет.

Безжалостно ждёт от – от
 Позолотит вранья он ушуд
 Поджигает восток восток
 Украдет твой чинно невооружен

Работу любую не хаю,
Работа любая – не зря,
Шахтёрка моя полыхает,
Как яркий наряд снегиря.
В мои глаза и жадный рот
Осколком горячего лета,
Горячим его лоскутом,
Порода пурпурного цвета
Вдруг вышла в забое моём.

Давно прошлогодние травы
Сокрыл ослепительный снег,
А я из рассечки кровавый
К биндюжке печатаю след.

Мне скажут: «Безрудное тело,
Ущербные эти места,
Здесь нечего, нечего делать,
Порода как бочка пуста».

Но что – то под ложечкой гложет,
И душу мне думы гнетут,
Как будто бы я растревожил
Земли кровеносный сосуд.

ПАМЯТИ ПОГИБШИХ ШАХТЁРОВ

Я лежу в саркофаге,
Как бухарский эмир.
Жизни реюший факел
Весь рассыпался в миг.

Как бухарским эмиром,
Мне оказана честь:
Бальзамирован взрывом
Весь до капельки. Весь.

И вспорхнуть не успела,
И уйти – не ушла,
Замурована с телом
Молодая душа.

Газом выжжены очи.
Только я не ослеп.
Сотни тысяч рабочих
Этот строили склеп.

Бриллиантами пота,
Позолотой крови
Подземельные своды
Украшали они.

Пусть родные не ропщут,
Не скулят обо мне,
Что лежат мои мощи
На такой глубине,

Что далёким потомкам
Саркофага не вскрыть.
Лишь в грядущем потоке
Этим косточкам вплыть.

Давно гурьбою он ступил сюда
Скрыл ослепивши глаз
А из рассвета звезда
К биндюжку печалью явдола

Мне скажут, что мирожил мой
Ущербные ступил в охоту
Здесь нечего было бы
Порода как вечно живото тот

Но что -- то гадать не стану
И душу мне дунуть не пою
Как будто в дождь и в тумане
Земли кровеносные надышу

В ШУРЦЕ

Опять тупое онеменение
Мозги усталые сведёт,
Хотя никто меня, как мерина,
Не подгоняет и не бьёт.

Невольный мат из глотки вылетит,
И, чтоб избавила тоска,
Моя рука возьмёт и вылепит
Из белой глины петушка.

Бесхитростное изваяние
Я поднесу к губам своим,
Земли почувствую дыханье
Повеет давним и родным.

Живи, наивная затея!
Игрушку ставлю на бадью.
Напарник мой лицом светлеет,
Увидев выдумку мою.

«ШАХТЁРСКАЯ ИДИЛЛИЯ»

Я сегодня в каком – то ударе
В восстающих забоях своих:
Словно пахарь на поднятом паре,
Нормы выпахал за двоих.

Мне хотелось цветов и оваций
За весёлый, восторженный труд
Или к солнышку просто подняться
Раньше всех на пятнадцать минут.

Капли грязные падали с каски
И за шиворот жгуче текли.
Мне хотелось не приторной ласки,
Нежной ласки вечерней земли.

Громыкает во штреке центральном
Столбового хозяина рык.
Обругал и лишил премиальных
Новорусский упитанный бык.

И грозит эта сытая морда,
Что расправится с нами легко.
Для чего проводилась реформа? -
Понимаю под вопли его...

Заработанных потом и кровью
Мне своих премиальных не жаль.
Знаю, солнышко встретит с любовью,
Знаю ветер, развеет печаль.

Под землей, в скорых садах.

Им приходить в темных садах
С подальшей изумительной
Разобраться на матерках
Подкреплять души в садах

Не поперхнется в садах
Всё в садах в садах
Еще в садах в садах
Над садами в садах

Стать они в садах
Над садами в садах
«Нет, смерть твоя есть в садах»
Так утешю в садах...

ПОХОРОНЫ АВТОРИТЕТА

Маши, помахивай кадилом,
Помпезный батюшка, служи
Над скорбью алчной и постылой,
И всеми проклятой души.

В толпе единой – вор на воре,
Братки, менты и дум столпы,
И скоморохов пёстрых свора,
И раздобревшие попы.

Не поперхнётся воровская
Всеразвращающая рать:
Ещё и неземного рая
Надел старается урвать.

Стоят они в чаду угара,
Над гробом приторно скорбя.
«Нет, смерть твоя есть Божья кара», -
Так утешаю я себя...

И грозит эта сытая морда,
Что расправится с нами легко...
Для чего преодилась реформа? -
Понимаю под вопли его...

Коль вздохнёт под тобою земля,
На окне всколыхнутся шторы,
Не волнуйся, родная моя,
Под землёй говорят шахтёры.

Им приходится в тёмных мирах
С подземельной упрямой свитой
Разговаривать на матерках,
Подкрепляя речь аммонитом.

Оглянусь с
— большака

ОБОРВАНЕЦ

По бульвару идёт оборванец,
На лице гуталиновый глянец,
Петушится надменная чёлка.
Завязала узлы барахолка.

Кошелёк уворует гадёныш,
Не поймаешь его, не догонишь,
В лабиринтах его заплутаешь:
Барахолка надёжный товарищ.

Я сказал ему: "Хочешь, отпарю,
Напою, накормлю, накрахмалю..."
Сплюнул он: "Перестань, балаболка,
Мне родимая мать - барахолка!"

ВОЛЧАТА

Я их нашёл зверей кудлатых,
В сторожку бережно принёс.
Скулил как - будто виновато
Мой преданный дворовый пёс.

Бродила около волчица,
Круги злопамятно верша,
Ворчала на мою светлицу
Её звериная душа.

Соседка вскидывала посох,
Меня безумного кляня.
Волчата в лес смотрели косо
И ненавидели меня.

ИГРОК

Из-под ложечки - под лопатку
Прожигает ползучий змей...
Всё по правилам, по порядку:
Проигрался - тебя взашей.

Разлетелись мои калоши
От уверенного пинка...
В пиджаке моём медный грошик
Затерялся наверняка.

Я обидчикам благодарен,
Улепётываю трусцой.
По карманам с надеждой шарю,
Руку вытащил - золотой!

Как жить?! Тот ящик без конца

Народушкам жнучь вездехот

Откушал вездехот жнучь вездехот

!внлв втот в я охвввд

ГЕРЖИДОВИЧУ Л.М.

Край таёжный - зелёная Мекка!
Ныне, присно, во - веки веков -
Панацея мужам и калекам
От мирских и вселенских грехов.

Помолиться естественным слогом
С колыбели учила меня
В чистых дебрях крушинного лога
Родниковая память ручья.

Добрый ангел в обличии утки
Потихоньку поведывал мне:
Каково распознать незабудки
На угоре, в душистой копне.

Осенят соловьиные кущи,
Приоткроют завесу леса,
Что за радость: свой хлебец насущный
Добываю я в поте лица!

МАРТ

Позолотели пряди гор -
Проталинки на белом снеге.
Колхозный сторож Исидор
Провёл техминимум телеге.

Подумал, осердясь, водитель,
Поправил ступицы колёс
И лемех старенького плуга,
Подковы добрые принёс
С каким-то потаённым звуком

И-ни царапинки на нём.
Затем расслабиться домой
Зашёл к старухе ненадолго,
И глянул в «ящик голубой»,
Как на вчерашнего парторга.

«А всё ж угоден богу я!»
Как жить?! Тот ящик без конца
Народу русскому диктует.
Откушал Исидор сальца,
Попил кваску и... в ус не дует!

БРАЧНЫЕ ИГРЫ

Стремительные, как стрижи,
На продувном ветру,
Вороны чертят виражи:
Ужели не к добру?

Я в этой стае озорной
Не разберусь никак:
Останки падали лесной
Достались от собак?

Где воздух проморожен весь
И как бочонок пуст,
Не слышу я благую весть
Из оголтелых уст.

Как будто звонкими детьми
Разбужено село...
Да это ж свадьба, черт возьми!
Дошло!

Машина вздыбила песок
От пропасти на волосок.
Мешаешь Ангел, мой хранитель!
Подумал, осердясь, водитель.

И снова выжал всё, что мог,
И через пятый кувырок
Машина улеглась бочком,
И-ни царапинки на нём.

А дома пил томатный сок,
Жена любимая в висок
Его ударила шутя-,
« А всё ж угоден богу я!»

Лети, кружи благословленный мной,
Над логовом звериным бытия...
Мы, с нашей расторопной душой,
На падаль падхи, Ты, стервец, и я.

Стремительные, как стрижи,
 Слепнет одинокая звезда
 И зовёт дорога в никуда.
 Осенит черёмуховый куст,
 Что я гол и безнадежно пуст
 Вот и всё, приехали, кажись...
 Здравствуй, жизнь, и
 До свиданья, жизнь!

Достал же ты меня!

Где воздух проморожен весь
 И как бы комок пуст,
 Не слышу и слова
 Из оголтелых уст.
 «Я что недотужёва А»

Как будто звонкими детьми
 Разбужено село...
 Да это ж свадьба, черт возьми!
 Дошло!

Мытарясь по окрестностям села,
Просил я подаянья у реки,
Вдруг увидел могучего орла,
Как кур во щи, попавшего в силки.

Стервятник был и величав и горд,
Попался терпкой падалью прельщён,
Ему я вынес строгий приговор:
На чучело вполне сгодится он

И, сдавленный рогатиной похож,
Гортанный клёкот на предсмертный крик
Но отчего-то непослушный нож
Освободил мерзавца в тот же миг.

Лети, кружи благословленный мной,
Над логовом звериным бытия...
Мы, с нашей расторопною душой,
На падаль падки, Ты, стервец, и я.

ЗАДВОРКИ

Родные задворки, чужие заборы:
Глухие решётки, тугие запоры.
Живёт за решёткой чета голубей-
Российское чудо заморских кровей.

Они виражей не писали ни разу:
Хозяин боится пропажи и сглазу,
Он сам криминальный до мозга костей
И держит в потьмах чужестранных гостей.

Он крепок ещё, как осенний обабок:
Он столько потратил зелёных бабок,
А коршун какой-нибудь стащит голубку,
Польстится дурак на заморскую юбку.

СУХОВЕЙ

Атакует суховей
Пыльным гневом сумасбродца...
Отшатнулся журавель
От забытого колодца.
Прорастают трын-травой
С петель сорванные створки.
С родниковой водой-
На колхозные задворки
Оттеснил водопровод
В пору сельского расцвета,
Позабавивши народ,
Сам забвенно канул в лету.
Не пригоден журавель,
Нет воды в водопроводе,
И щекочет суховей
Будыльё на огороде.

Лежит на колодине серая штука,
 Я руку подставил: «Горыныч, привет!»
 Змея отвернулась: «Я не гадюка-
 Ни яда, ни жала, ни мудрости нет!»

Они в мире
 Хозяин боится
 Он сам крими
 И держит в
 В по
 Он крепек
 Он столько
 А коршун
 Польстится

КОЛОНОК

Вот грациозный колонок;
Прыг-скок с колоды на пенек,
как рыжей молнии зигзаг
То из оврага , то в овраг...
И вроде я ему не враг,
Зачем он так, зачем он так?

БУРУНДУКИ

А вот: чета бурундуков,
Как на залетных чудаков,
Стреляет ядрышками глаз,
То мимо нас, то прямо в нас,
Луца орешки про запас.

Ж СОРОКА

Сентиментальная сорока
Нашла пророка без порока
В султানে черного грача.
В лесу об этом стрекоча,
Дала из леса стрекача.

Мне вовсе неприятно
Натруженной рукой
Смывать срывные пятна
С малины водолаской.

За правду посчитавши,
Что люди говорят,
И гусь свинье - товарищ,
И хрен морковке - брат.

СУРОК

Лохматый увалень - сурок,
Не впрок нагуленный жирок,
Невольно плавится в жару -
Животик бархатный в жиру
У лежебоки на юру.

Оглянусь Я чувствую опору
 По нити Капризному уму:
 В откровенье Я строю терем вору -
 Мне способствую ему.

Почитал Мне вовсе неприятно
 Орвешь Натруженной рукой
 Я верю Смыть срамные пятна
 Почини С малины воровской.

Знаю За правду посчитаешь,
 Меркнет Что люди говорят:
 ...Дремлет И гусь свинье - товарищ,
 И хрен морковке - брат.

И гниёт на мали Станьки Разинка струг,
 Оглянусь
 Поперхне
 Мне по
 За престоков дело - течь салогги.

КЛАССЕНУ Э. Я.

Дороги наши не пересеклись,
И судьбы наши не перекликались...
Его идеи, освящая жизнь,
В людские души подвигом являлись.

У лежанки на юру

В отечестве не маг и не пророк,
В эпоху распрей подленьких и грязных,
Он сам достойно удержаться смог,
И удержал от воровских соблазнов

Костяк большой, мятущийся костяк,
Который гордо величают классом...
Гудит завод-могучий сибиряк,
В горниле плавок чуден и прекрасен.

Он весь до капли выпестован им,
Его пронизан разумом и светом,
А мы сегодня просто помолчим
Над этим одарённым человеком.

ПОПЕРХНЁТСЯ ДУША

Оглянусь с большака на крутом перевале
По наитью богов, по привычке бродяг:
В откровенном и чопорном лае собак
Мне почудится вдруг: там меня почитали.

Почитали не странника, не златоуста
Орошённые тихой любовью места -
Я вершил своё дело с застенчивой грустью,
Понимая величье своего ремесла.

Знаю, дело верней непотребного слова,
Меркантилен когда человеческий дух.
...Дремлет в стойле пустом белый конь
Пугачёва,
И гниёт на мели Стеньки Разина струг.

Оглянусь с большака на крутом перевале:
Поперхнётся душа благодатью тайги.
Мне почудится вдруг: там меня почитали
За простецкое дело - тачать сапоги.

ШЛЯГЕР

Разухабисто, вольно, красиво
Пел задорную песню чудака.
Волновалась роскошная грива
Молодецкому шлягеру в такт.

Солидарен ребячьему братству
Мерин мерно копытами бил.
“Эх, поедем красотка кататься” -
Умилённо мальчишка просил.

Уцепившись рукою за холку,
Дирижировал лихо - другой,
И трепал золотистую чёлку
Очарованный ветер лесной.

ФИЛИН

Утробный вздох праматери земли,
И дикий вопль чудовища лесного...
Затихли говорливые ручьи,
И у костра ни возгласа, ни слова.

И вот уже раскатами: Ха. Ха!
Кромешный вопль над нами издевался.
Сашок! - звала Таньчуря жениха,
Жених молчал и глупо улыбался.

Кто ли за невесту
Принимает лас,
То ли в весте лещего
Я, как мухе, влез?

ТРОПИНКА

Вот строчка и зигзаг,
Вот петелька и скидка,
Спустилася в овраг,
Там лёжка и отсидка.
Приблизилась к пеньку
У сосенки заминка,
Знать, к дятлу-старичку
Прислушалась тропинка:
Трудяга шебутной,
Столяр неутомимый!
В твоей работе сбой, -
Что это? - Аритмия?
Не ладно, с толовой?
Замучила .отдышка?
Да нет, полупустой
Вдруг оказалась шишка.

ПУТАНКА

Путанка-пройдоха,

«Беглая, река,

Я не ждал подвоха

В чаще тальника.

Перешеек с древним

Кряжем поперёк...

Я, однако, сдрейфил

И от страха взмок:

От такой колоды

Километров пять

Я ушел. А воды

Повернули вспять?

И как будто в гору,

В дебри напрямик,

И осенний морок

Мне не проводник.

То ли за нездешнего

Принимает лес,

То ли в сети лешего

Я, как муха, влез?

Но моих земляков добродушно

Не заменит чужое тепло.

МЕСТЬ

Всю-то горенку – избу
Поизгадил вор.
И сказал я: Зашибу-
И помчался в бор
В бор, по следу варнака
На своих борзых,
Два красивых батога
Выпросил у пихт.
И раззуживал плечо,
Потирал кулак...
Наклонялся над ручьём,
Воду пил варнак,
И калину, как рябок,
Обрывал с куста,
И поставил я батог:
Это не спроста,
Значит, он совсем больной,
Голоден дружок.
И поставил я другой
Наземь батожок.

Покидает родное село
Мой дружок работающий, не пьяница.
Завтра к дому контейнер подпятится
И погрузит его барахло.

Ветер странствий надул паруса
И порушил родимое, близкое.
Позабытая лайка сибирская
За другим уплетётся в леса.

Верно издавна так на Руси-
Уходить от чумы и засухи,
И с гнедой кобыленкой и заступом
На привольные земли брести.

То ли вечная тяга к добру,
То ли вещая жажда познания:
Голубые покрыть расстояния.
На чужбине притись ко двору?

Мне бы тоже оставить село,
Жить на юге под желтыми грушами,
Но моих земляков добродушие
Не заменит чужое тепло.

Претенденток никаких
На мою бродячью душу.

ПЛАЧ-ГОРА . . .

Я вчера спросил буровика,
Хорошо знакомого с тайгою:
-Эта горка с прядью тальника
Отчего зовётся Плач-горою?

Каждая колдобина трясла
Работягу - мощного «Урала»,
Что за тайна горькая легла
У её подножья- пьедестала?

-Мудрствовать лукаво не могу,
Философий тоже не приемлю:
Самоходка траками в логу
Человека затоптала в землю

Вот и всё, - ответил буровик, -
Наша повседневная работа,
Впрочем, был бесхитростный мужик,
Да себе на горе полоротый.

Выхода из мифа- тупика
Вряд ли я когда-нибудь открою...
Эта горка с прядью тальника
Пусть себе зовётся Плач-горою.

Королевские харчи,
Президентская карьера...
Скороходы – кирзачи
Сорок пятого размера!

Хочешь – топай, хочешь – стой.
Не похвалит, не осудит
Старший мастер буровой –
Он за сорок вёрст отсюда

И за сорок вёрст жена.
Верно, думает, что дура,
Коли вышла за помбура –
Всё одна, одна, одна,
А на улице весна!

А на улице весна!
Мчатся вешние потоки,
Бьют живительные соки
В тополях, в берёзах, в нас.

Гомон призраков лесных
В сласть смакуй и вдоволь слушай,
Претенденток никаких
На мою бродяжью душу.

Тонут в лужах кирзачи
Сорок пятого размера.

Президентская карьера,
Королевские харчи!

Я вчера с горкой с прядью тальника
Хорошо отведать мне захотелось
-Эта горка с прядью тальника
Отчего заветер сдувает

Каждая колдобина дорога
Работягу - мощную дурака
Что за тайна горки эта легка
У её подножья - Новодуво сатрам-нишья
Он за сорок берет отсюда

-Мудрствовать лукаво не могу,
Философий толк мне ж таков же
Самоходка трудится там же,
Человека затрудила же всякая плоть

Всё она, видно, видно, видно
Вот и всё, - ответил ей
Наша повседневная работа

Впрочем, был бесkitростный мужик,
Да себе на горе полудоты
Минута вешняя ястык

Выхода из мира - никуда
Вряд ли я одна хаврою в хавроу
Эта горка с прядью тальника

Пусть себе заветер сдувает
В счастье смекну и вдоволь слушаю
Претянеток никакник
На мою бродяжью душу

* * * * *

В родном доме
Присяду на порожек.
Голландка – печь –
Немеркнувший очаг-
Вдыхает мой дымок
От папиросок,
Как будто тоже
Курит не в затыг.

В её груди
Потрескивают угли
Моим беспечным думкам
В унисон.
Как будто бы
Сошлись друзья, подруги
Далёких светлопамятных
Времени.

Ведут неторопливую
Беседу,
Верша свои чистилища
И суд.
Им похвались,
На жизнь свою посетуй,

Они- друзья,
Они меня поймут.

И, верно, скажут:
Хватит куролесить,
Не мальчик ведь
Мотаться тут и там.
Из дюжины
Недюжинных профессий
Ты выбери поближе
К дому, к нам.

Душа моя котёнком
Разморится
У милого, родного
Очага.
А завтра старший
Мастер постучится
И...укачу я
В белые снега.

СТАРЫЙ ПЛОТНИК

Он приходит сюда
По какой-то неведомой тяге
И часами, как мальчик,
Стоит у витрин.
Он давно изучил
В нашем сельском хозмаге
Ширпотребную утварь
Этот странный старик.
Он берёт оселок
И шершавою каменной плотью
По шершавой щеке
Сам себе проведёт.
Он берёт долото
И, забывчивый плотник,
Остриё долота
Языком по старинке лизнёт.
Он тисочки возьмёт,
Он подержит электрофуганок:
-Лепота, лепота!-
Покачает седой головой.
-Сколько светлых домов,
Теремов несказанных
На родимой земле
Не построено мной!

Он приходит сюда,
Как к любимой своей на свиданье,
Будоражит его
Изобильная явь.
Что для всех- ширпотреб,
Для него состоянье...
Не гони, продавец,
Старику эту радость оставь!

НА ЗАИМКЕ

За косым по легкому зазимку,
И, петляя так же, как косой,
Вышли мы на старую заимку,
Вышли на избушку- невидимку,
Под густой разлапистой сосной.

Я в кино лишь видывал такую.
В этой глухомани черневой,
Где свирепо ветры атакуют,
Мне казалось, глухари токуют,
А живёт, нисколько не тоскует
Человек совсем не молодой.

Мне казалось: ничего людского.
Нет в избе ни радио, ни книг,
Лишь мычит за стенкою корова.
Над крыльцом пришпилена подкова.
И с поклоном вымолвил два слова:
-Обогрейтесь, милые!- старик.

Он при... УБИЛИ ДЯТЛА

Расстреляли его спозаранку
Среди старых задумчивых пихт,
И затихла лесная морзянка,
Не окончив своих позывных.

Расстреляли картечью в упор
Ради шутки, забавы и смеха.
В лабиринте заснеженных гор
Гулко билось тревожное эхо.

И откуда на эту полянку
Забрела кровожадная злость?
Люди, слышите: в роще морзянка
Выбивает призывное SOS?!

Снова лёгкий месяц родился
Кончиком лукавым язычка
Он слегка проклюнулся пока
И ещё ничем не возгордился.

Я не знаю, как его заметил:
Никаких негаданных чудес
Я не ждал, как праведник, с небес
На вечере двух тысячелетий.

И приданьям светлым вопреки
Никаких не загадал желаний.
Я не умираю от тоски,
От людских и божьих наказаний.

Как блаженный, радуюсь немного
Спутнику извечному Земли.
Подмигну – и в дальнюю дорогу
Я беру его в поводыри.

Россия! Ты крапкие нравы
И лёгкая хрипья дала...
И вижу я крапинки в перьях
Парящего рядом злая.

СВЕЖЕНИНА

В деревне режут поросят,
Как сто и двести лет назад.

Душок подпаленной щетины
Витает в поле за версту,
И я, пожалуй, заверну

На сытный запах свеженины.

Застолье. Царственно дыша,
Над всеми властвует жаркое.

Хозяйка - добрая душа -
Нальёт вина и успокоит.

Хозяин - тоже не злослов.

Всё в доме есть - плоды и злаки.

И в ожидании мослов

Задорно тявкают собаки!

НА ТРИГОПУНКТЕ

Стоит восклицательным знаком
На самой высокой горе,
Идём, мужики – забияки,
К нему по тропинке зверей.

Над золотом пышного леса
Он самый высокий и есть.
И мы, два почтенных балбеса,
Друг другу командуем: лезь!

Ступени истлевшей треноги
Не выдержат белки, кажись,
И всё ж мы восходим, как боги,
Туда, в соколиную высь.

И дух перехватит, а душу
Такой ошарашит восторг...
Что с выкриком вместе наружу
Я самое сердце исторг!

Россия! Ты крепкие нервы
И легкие крылья дала...
И вижу я крапинки в перьях
Парящего рядом орла.

БАБЬЕ ЛЕТО

Рассыпается кровохлёбка,
Брызжет бронзовым ручейком.
Держит, путая ноги, тропка
Перевитая репешком.

Осень, осень, ты нынче, право,
Не по – северному щедра:
Зелена по лугам отава,
А ведь ей золотеть пора.

И пора озорным рубашкам,
Лёгким платьицам – отгулять.
И пора полевым ромашкам
Всё девчонкам перегадать.

Мне пора погрустить немножко,
Глядя в чистый березнячок,
Отыскать, как медведю, лёжку,
Да к медведице – под бочок.

Здравствуй, доброе утро Барита,
Перламутровый говор берёз!
Мне однажды вдыхать привелось
Этот воздух, знакомый до слёз,
В суматохе капризного быта.

Там отвык от лукавых привычек
И обрёл необычный обычай:
Спозаранку – в берёзовый лес,
Чтоб избавить пригорки окрест
От нашествия рыжих лисичек.

Ах! Какие там были груздочки –
В бахrome, как в исподней сорочке,
Ни одной червоточкины – строчки
И сомнительной крапинки нет,
Хоть бери и засаливай в бочки,
Им поклоны я бил в заморочке
И шептал восхитительный бред!

На роскошной интимной полянке
Как меня соблазняли поганки,
А в ответ получали пинка.
Я буянил восторженно, лихо.
Было радужно, солнечно, тихо,
Мне дорога казалась легка.

Мне легко и дышалось, и пелось,
Отчего-то мне очень хотелось
Бичевать захиревшее тело
И лелеять восторженный дух!

Осенний ветер, хлещущий по щекам,
Не по-летнему душит и не по-летнему
Зеленые листья в бурю поднимает,
А ведь это только начало года.

И пока в воздухе кружится пыль,
— Какое там быть уже
Вдохнуть, как в подпол, в щель,
И в одну секунду — в другую,
Все равно, как в одну секунду,
Хоть бы в запыленный уголок,
Мне бы только в щель, в щель,
Глядя в вышину, в высоту,
Отыскать, как медведю, лежку,
Дожидаясь, когда же
Как меня содрогнет потяжка,
А в ответ пошуршит листва,
Рядом, восторженно, плещет,
Было радужно, солнечно, тихо,
Мне дождя казаться легка.

Эх, ма!

Стариковское это – эх, ма!
Мне в наследство досталось как сыну.
Мы недавно рубили дома,
А теперь я ему – домовину.

Раскрою на груди верстака,
По своим габаритам прикину
Припасённые в кои века
Из могучего кедра тесины.

Брызнет дерево запахом смол,
Обнажённая летопись брызнет.
В домовину войдёт новосёл
От сумятицы нынешней жизни.

Жми, рубаночек, стружку сымай,
Совершай благородное дело...
Отлюбило навеки, эх, ма!
Эту жизнь его грешное тело.

В НОЧНОМ

Стабунились в урёме рабочие кони,
Мрак - подельник окутал их свежестью летней.
Из промчавшейся мимо жестокой погони,
Кто-то взвизгнул рассерженно в воздухе
плетью.

Схоронились каурые да вороные,
Друг о друга потёрлись крутыми боками,
Распрямили свои богатырские выи,
Обожённые оводом и хомутами.

И забилась в экстазе какая-то кляча
От нежданно счастливой доставшейся доли,
Колокольчиком-боталом сход обозначив,
Как рванётся она вдохновлённая в поле.

Растрезвонится всё под расплывчатой
высью,
И вернётся погоня, вернётся, я знаю.
Я хватаюсь за нить ускользящей мысли:
Звон предателя ночью меня ублажает.

Порой отчётливо, до боли,
Мне память высветит на миг:
Росой унизанное поле
И коростелей переклик.

Слегка дымящуюся пашню
В какой – то розовой дали,
И мной придуманную башню
На стыке неба и земли.

И первый луч, а может, всполох
Ещё холодного луча,
Котомка нищая и посох –
Опора детского плеча.

Росой омытые калоши,
Не знаю стибренные где,
И ветром чубчик мой взъерошен,
И рот голодный перекошен
Молитвой тихой о еде.

Я холью дом в реликтовом бору,
Надежду глупую в душе забавно холью.
Не взятое от жизни – доберу,
Не отданное – выпущу на волю.

Я в этой жизни сам себе с усам:
Нет претенденток – я не претендую
На кошелёк, на милых сердцу дам,
Знай, пью себе водичку ключевую.

Через лужайку звонкая тропа
Бежит к ручью – извечному движенью.
Душа моя, однако, не слаба
К большой любви и жертвоприношенью.

Я кланяюсь, покамест, топору,
Как мудрому языческому деду.
Я холью дом в реликтовом бору
И никуда отсюда не уеду.

Ещё грустит завьюженное поле
По чернотропу, золоту хлебов...
Скулит во мне и просится на волю
Охотника неугасимый зов.

Добытчики отец и дед и прадед
Бойцовский дух вдохнули в душу мне;
И руки сами тянутся к прикладу
И думы там, в таёжной стороне

Но матушка хранительница дома
Внушала часто: «не убий, сынок»
Тетерева токуют по урёмам
И рябчики летают на манок

Но зов живёт и остаётся страстью,
Томясь в пределах маминых границ.
Я думаю. Я знаю - это к счастью:
В тайге так мало и зверей и птиц.

Содержание

Горница-светелка

Гостя на буровой	4
«Зимний лес распахнут настужь»	6
Святки	7
Людмиле	8
В дороге.	9
Торговка	11
«Я шалел от восторга»	13
«Ты давно в алогее»	14
Горница-светёлка.	15
Старуха.	16
«Ночь светла»	17
«Ты ушла, сказала: по – фигу»	18
«Трудным часом, добрым часом»	19
«Ночами – дождь»	20
Лесное озеро	21
Кержаки	22
«Дырявые калоши»	23
«Эх! Ударили звонкие струны»	25
Изба-читальня	26
Кино из детства	28
Клесты	29
«Сосны тёплые»	30
На перроне	32
«Какое счастье – матушка жива!»	33
«Говорят: смородина поспела.»	34
«Два дерева, как близнецы Сиама»	35

В каменном гроте

Нищий	37
«Опахнёт груздёмвым сентябрём»	39

Хозяин шахты	40
Баллада про старую шахту	41
Рудник	42
Руки	43
Моя муза	44
«Мороз и морок в кратере карьера»	45
«Мы в детстве все любили дураков»	46
«Ущелье. Фабрика. И пруд.»	47
Каменный лось	48
На пожаре	49
«Бежит по руднику родник»	50
«Я не знаю другого ландшафта»	51
«Работу любую не хаю»	52
Памяти погибших шахтеров	53
В шурфе	55
«Шахтёрская идиллия»	56
Похороны авторитета	58
«Коль вздохнёт под тобою земля»	59

Оглянусь с большака

Оборванец	61
Волчата	62
Игрок	63
Гержидовичу Л. М.	64
Март	65
Брачные игры	66
«Машина вздыбила песок»	67
«Слепнет одинокая звезда»	68
«Мытарюсь по окрестностям села»	69
Задворки	70
Суховой	71
Уж	72
Колонок	73
Бурундуки	74
Сорока	75
Сурок	76

Содержание

«Я чувствую опору»	77
Классену Э. Я.	78
Поперхнётся душа.	79
Шлягер.	80
Филин	81
Трогинка	82
Путажка	83
Мечь	84
«Покидает родное село»	85
П яч-гора	86
«Королевские харчи»	87
«В редном дому»	89
Старый плотник	91
На заимке	93
Убили дятла	94
«Снова лёгкий месяц народился»	95
Свеженина	96
На тригопункте	97
Бабье лето	98
«Здравствуй, доброе утро Барита»	99
ЭХ, МА!	101
В ночном	102
«Порой отчётливо, до боли»	103
«Я холю дом в реликтовом бору»	104
«Еще грустит завьюженое поле»	105

ISBN 5-85471-112-5

Сдано в набор 21.01.2004 г. Подписано в печать .02.2004 г.
Формат 60x84 1/16. Гарнитура «PragmaticaС» Бумага писчая.
Печать трафаретная, ротаторная (ризография).
Усл. печ. л. 3,6. Тираж 200. Заказ № 3.
Цена свободная

Отпечатано в ГПКО «Беловский полиграфист»
652615 г. Белово, ул. Чкалова, 18.
тел.: 2-22-67 факс: 4-34-00
e-mail: gup_bp@kuzbass.net

13-00

